

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Г29

Neil Gaiman

THE OCEAN AT THE END OF THE LANE

This edition published by arrangement
with *Writers House LLC* and *Synopsis Literary Agency*

Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Художественное оформление *Андрея Фереца*

Гейман, Нил.

Г29 Океан в конце дороги / Нил Гейман ; пер.
с англ. Дарьи Селюковой. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2025. — 320 с. — (Гейман: книжная
полка).

ISBN 978-5-17-172935-6

От создателя знаменитых «Американских богов»,
«Никогде» и «Звездной пыли».

Захватывающая сказка-миф, блестяще расска-
занная история одинокого «книжного» мальчика,
имени которого читатель так и не узнает, но в кото-
ром безошибочно угадываются черты самого автора.

Прогулка по фермам Сассекса приводит героя
к дому древних богов, играющих в людей, и с этой
минуты ткань привычного мира рвется и выворачи-
вается наизнанку, а в прореху проникают существа
иномирья — такие странные и страшные, что о них
невозможно и помыслить.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Copyright © Neil Gaiman, 2013

© Селюкова Д. А., перевод на
русский язык, 2025

© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2025

ISBN 978-5-17-172935-6

Предисловие переводчика

Впервые я попала на ферму Хемпстоков десять лет назад. Я только что выпустилась из вуза, получила диплом переводчика и понятия не имела, что теперь с ним делать. Вокруг шевелились, начав движение, тектонические плиты истории, но меня интересовало в первую очередь личное будущее и хорошие книги, помогающие заглушить тревогу о нем. «Океан в конце дороги» показался мне достаточно хорошей книгой. Вдохновляющей. Приятной в своей простоте. И это единственное, что запомнилось мне тогда. Да иначе и не могло быть.

Нил Гейман

Десять лет «Океан...» стоял на полке, забытый, и вот я снова здесь. Тектонические плиты истории всюду сшибаются, грозя раздавить меня. Я стала старше и узнала, что быть взрослой — значит жить одновременно в настоящем и прошлом, ведь некоторые места и люди остались лишь в моих воспоминаниях — там они все так же живы и реальны. А узнав на своей шкуре, что такое память, я поняла, почему люблю эту книгу.

Хотела бы я написать: «Услышав о том, что мне доверили перевод “Океана...”, я сняла с полки тот самый экземпляр»...

Но нет. В тот момент на полке была как раз я — на боковой в плацкарте, поэтому совершенно неромантично открыла цифровой оригинал. А к тому старенькому томику я с тех пор больше не прикасалась, боясь случайно ухватить какой-нибудь оборот у моего замечательного коллеги, потому что хорошие вещи заразительны. Мне хотелось в одиночестве сесть на скамейку возле утинового пруда и попытаться расслышать далекий голос, который пытается мне что-то сказать.

Мимо неслись леса, поля и деревни нашей средней полосы, а я снова оказалась на ферме

Океан в конце дороги

Хемпстоков. И одновременно во дворе моего детства. И одновременно в родном поселке моего папы, куда мы порой приезжаем на Пасху навестить живых и мертвых. Таково магическое свойство этой книги: она про нашу общую родину — память. Со всеми ее восторгами, страхами, чудесными и одинокими часами детства.

В «Океане...» воспоминания о детстве, как и в жизни, состоят из мелочей: сколько стоили конфеты, кто с кем упал в пруд и какие передачи шли по телевизору. Правильно подсчитать все цифры, увидеть все отсылки и нагуглить все реалии — непростой труд для переводчика. Но настоящая задача, я думаю, глубже: поймать тот голос рассказчика, что стал бы голосом и мальчика, и взрослого мужчины. Передать другую истину воспоминаний: для души нет разницы между прошлым и настоящим, для нее все одинаково живо. Время и память — бесконечный Океан, хоть и кажется порой, что он умещается в жестяном ведре: «Жили как все. Ничего интересного и не происходило».

Так о чем эта книга? Только ли о детстве и страхах? Чтобы найти тот нужный голос, мне очень важно было это понять. И чем дальше я читала, тем отчетливее мне казалось, что

Нил Гейман

я касаюсь чего-то очень нежного и уязвимо-го. Смотрю на то, что предназначено не мне. Эта книга посвящена «Аманде, которая хотела знать». В эпоху интернета и об Аманде Палмер, и о Ниле Геймане легко можно найти даже больше информации, чем хотелось бы. Но каждому, кто хоть однажды любил, знакомо особое желание знать и быть узанным, никак не связанное с голыми фактами биографии. Желание бесконечно трогательное и интимное. Желание, которое хочется сберець вопреки всему.

Я надеюсь, что мне удалось найти слова, которые помогут русскоязычному читателю узнать то же, что хотела знать Аманда. Услышать то, что хотел сказать ей Нил в далеком 2012 году. Почувствовать то, что отзывается, — а оно обязательно отзовется, ведь все мы вышли из одного Океана и в Океан вернемся.

Дарья Селюкова
2024 год

Аманде, которая хотела знать

Я очень живо помню свое детство. Я знал столько ужасных вещей... и понимал, что взрослые ни в коем случае не должны об этом догадаться. Их напугало бы, что ребенок знает так много.

Морис Сендак, из беседы с Артом Шпигельманом.

The New Yorker, 27 сентября 1993 года

Глава О

Это был просто утиный пруд на задах фермы. Небольшой такой прудик. Когда Летти Хемпсток назвала его океаном, я сразу подумал, что она ерунду какую-то говорит.

Еще она рассказывала, как ее семья переплыла этот океан, добираясь сюда из Старого Света. Ее мама сказала, что Летти все перепутала и Старый Свет давно затонул, а древняя миссис Хемпсток, бабушка Летти, заявила, что они обе неправы и то место, которое затонуло, это не Старый Свет — уж она-то помнит настоящий, Старый-Престарый Свет.

Его разнесло на куски.

Пролог

На мне в тот день были черный костюм, белая рубашка и черные туфли, начищенные до блеска. Обычно, одеваясь так официально, я сразу начинаю чувствовать себя неловко, будто украл чью-то униформу или играю во взрослого. Но в тот раз, повязав черный галстук, я, наоборот, почувствовал себя спокойнее: эта одежда как раз подходила для тяжелого дня.

Утром я исполнил свой долг: подобрал нужные, искренние слова, которых от меня ждали, и произнес их от души, не лукавив ни в чем. А когда служба закончилась, сел за руль и поехал куда глаза глядят — у меня был еще час до встречи с людьми, которых я не видел много лет. Мне предстояло пожать множество рук и обпить чаем, который по такому случаю подают в фарфоровых чашечках из лучших сервизов.

Я плохо помнил, куда ведут все эти, обычные для Сассекса, извилистые проселочные дороги, но, поняв, что въезжаю в центр городка, свернул на первую попавшуюся улицу, потом налево, направо... И тут только осознал, куда на самом деле еду, куда ехал с самого начала. И поморщился от собственной глупости.

Меня тянуло к дому, которого давно уже не существовало.

Спускаясь по широкой улице, запомнившейся мне каменистой грунтовкой, бегущей вдоль ячменного поля, я подумал, что надо бы развернуться — не стоит тревожить прошлое. Но мне стало любопытно.

Старый дом, в котором я жил с пяти до двенадцати лет, снесли, а другой, построенный позже в глубине сада между кустами азалий и ведьминым кольцом — кругом необычайно яркой травы, родители продали тридцать лет назад.

У дома, который в моей памяти так навсегда и остался «новым домом», я притормозил и въехал на подъездную дорожку, чтобы лучше рассмотреть, как новые владельцы обошлись с нашим типичным образчиком архитектуры семидесятых.